

Мин Джун не мог представить себе жизнь без Дайки, так же как и без Тома. По сути, он и сам понимал: в их жизни он — человек «со сроком годности». В тот день, когда Тома осознает, что «мама» ему не родная, их договор закончится. И Мин Джун будет вынужден уйти. У него не было никакой силы, чтобы удержать рядом Дайки.

Желание рано или поздно остывает. Одна мысль об этом вызывала дрожь, такую сильную, что он едва сдерживал слёзы. То, как он любил Дайки, как считал Тому своим ребёнком, для Дайки, казалось, не имело никакого значения. Эта мысль грызла его всю ночь, не давая уснуть, и разрывала сердце.

Утром, не выспавшись, Мин Джун чуть позже обычного спустился на кухню вместе с Томой. Но за столом никого не оказалось, кроме Кэнта. С того момента, как Мин Джун оказался здесь, ещё не было ни одного утра, чтобы Дайки не появился на завтрак. И сейчас, ощутив его отсутствие, Мин Джун погрузился почти в отчаяние.

«Может, это последний завтрак с Томой...» — подумал он, с трудом сдерживая слёзы, и передал ребёнку детские палочки.

— Босс уже позавтракал, — тихо сказал Кэнта, заметив мрачное лицо Мин Джуна. — И просил, чтобы Тома тоже поторопился. Им нужно куда-то поехать.

— Только... Тома? — пересохшим голосом переспросил Мин Джун.

— Да.

«Вот и всё. Они увезут Тому, а потом выставят меня. Даже попрощаться не дадут...»

Осознание того, что ночные страхи становятся явью, внезапно притупило все чувства. Мин Джун с натянутой улыбкой смотрел на Тому, который радостно болтал, и не сводил глаз с его милого лица, словно стараясь запомнить каждую черту.

Кэнта принёс большую коробку и поставил её на стол.

— Это одежда для Тома-сама на сегодня.

Мин Джун усадил мальчика на кровать и, стараясь не дрожать, открыл коробку. Когда он достал аккуратно сложенный чёрный костюм, сердце сжалось так сильно, что стало трудно дышать.

Костюм выглядел необычно строгим, даже траурным. Кэнта, как и Дайки, был в чёрном костюме и чёрном галстуке.

— Кто-то умер? — спросил Мин Джун.

— Простите, — коротко ответил Кэнта и больше не произнёс ни слова.

Мин Джун не стал настаивать. Молча, дрожащими руками, он помог Томе надеть костюм и повязал маленький чёрный галстук. В этот момент дверь открылась, и появился Дайки — тоже весь в чёрном.

Его взгляд скользнул от Тома к Мин Джуну. На этот раз Мин Джун не отвёл глаза и упрямо встретил этот взгляд.

«Куда вы идёте? Почему больше ничего не говорите? Или...»

Он не смог даже додумать последнюю мысль.

— Мы пошли. Тома, что нужно сказать маме? — сказал Дайки.

— Мама не поедет? — растерянно спросил Тома, переводя взгляд с отца на Мин Джуну.

— Сегодня — только с папой, — твёрдо ответил Дайки.

Плечики мальчика дрогнули, он крепко вцепился в руку Мин Джуну.

Мин Джун опустился перед ним на колени и с натянутой улыбкой сказал:

— Тома, мама будет ждать тебя дома. Обещаю.

Мальчик протянул маленький пальчик.

— Мама, никуда не уходи. Тома быстро вернётся.

— Обещаю. Я буду ждать тебя в твоей комнате. Вернёшься — читаем «Про собачку», — ответил Мин Джун.

Тома просиял.

— Ладно!

Кэнта вывел мальчика, и в комнате остались только они с Дайки. Мин Джун не мог поднять глаза. В горле стоял ком, а слёзы жгли изнутри.

— Я пошёл, — коротко сказал Дайки и вышел.

Мин Джун обессиленно опустился на кровать. Он знал, куда они отправились. В памяти всплыло имя — единственная женщина, которую Дайки любил, мать Тома. Сегодня, видимо, годовщина её смерти. И вместе с этой мыслью накатила такая волна ревности и боли, что он закрыл лицо руками и тихо выдохнул:

— Что со мной не так... Я чудовище.

— Почему ты плачешь? — вдруг раздался голос Дайки.

Мин Джун резко поднял голову.

— Только и делаешь, что прячешься и плачешь, — продолжил тот. — Так невозможно ни о чём думать.

Он подошёл, резко притянул Мин Джуну к себе и обнял так крепко, что у того перехватило дыхание.

— Сегодня третья годовщина смерти Миу. Тома поедет к ней впервые. Но для него ты — самый близкий и надёжный человек. Так что хватит придумывать глупости.

— Дайки... — выдохнул Мин Джун.

— Обещай, что спокойно подождёшь нас дома.

— Да... Я буду ждать, — ответил Мин Джун.

Слова Дайки, простые и строгие, показались Мин Джуну слаще любого признания в любви.

После их отъезда время будто застыло. Мин Джун понял, что даже не поинтересовался, куда именно они едут и сколько пробудут. Но это уже не имело значения. Дайки пообещал вернуться. А он пообещал ждать.

Он потянулся, встал с кровати и заметил, что с самого утра рядом крутится Сё — обычно его днём было не найти.

Мин Джун дождался, пока тот закончит телефонный разговор, и спросил:

— Объясните, пожалуйста, что вы здесь делаете?

— Я же сказал — чтобы тебе скучно не было, — небрежно ответил Сё.

Мин Джун закатил глаза.

— Я вам не верю. Вы только и делаете, что смотрите бейсбол на телефоне.

— А-а, так тебе просто хочется, чтобы я с тобой поиграл? — ухмыльнулся Сё.

— Ещё чуть-чуть, и я реально упаду в обморок! — вспыхнул Мин Джун.

Сё усмехнулся и, убрав телефон, развалился на диване:

— Босс попросил присмотреть за тобой. Обычно бы остался кто-то из охраны, но сегодня день особенный, и всем нужны надёжные люди рядом с ним. Даже Тома поехал.

— Тогда почему вы?

— Ты разве не знал? — в разговор вмешался Синба, который как раз вошёл с подносом, на котором лежали свежие клубники. — Формально это нигде не прописано, но Сё-сан — второй человек после босса. Когда Дайки уезжает, он не выходит из поместья. Его долг — охранять Тому.

Мин Джун растерянно моргнул, а Синба протянул ему спелые, ярко-красные ягоды.

— А, так вы, значит, второй по рангу... Чего?! Тогда вы что, и дерётесь хорошо?

— Ещё бы. Босс с детства все приёмы самообороны у Шоу-сан изучал, — с гордостью, будто речь шла о нём самом, вставил Синба.

— Хватит уже. У Мин Джуна сейчас челюсть отвалится. Смотрите, как он рот разинул. Надо сфоткать и боссу показать, — ухмыльнулся Шоу, доставая телефон.

Мин Джун тут же захлопнул рот и, недоверчиво щурясь, покачал головой.

— Но зачем вы меня охраняете? Я же не собираюсь убегать.

Шоу сузил глаза и посмотрел на него так, словно проверял, есть ли у парня вообще мозги.

— Вот поэтому ты и не понимаешь, что у босса на душе. Ты хоть знаешь, какой сегодня день?

— Зна...ю.

— Знаешь, но не соображаешь. Сегодня день, когда убили Миу, мать Томы. Сам говорил, что Таичи рассказал.

— Когда это я такое говорил?! — Мин Джун выпучил глаза.

— Таичи мне всё рассказывает. Короче, представь, каково боссу оставлять тебя одного в такой день. Вот и причина, почему я вылез из кухни и торчу здесь, дубина.

— Не называйте меня дубиной! Я, между прочим, технарь, если вы забыли!

— Чего несёшь. Сиди спокойно и жди босса. Думаешь, мне приятно тут торчать? Вот бы нож в руки — да на кухню. Эх, судьба. В моём-то возрасте нянчиться со взрослыми детьми...

— Да я взрослый мужчина, между прочим! — возмутился Мин Джун и уже собирался показать бицепс, как вдруг зазвонил телефон.

— Не мой, — сказал Шоу, показывая ладони.

И тут Мин Джун вспомнил, что Дайки недавно вернул ему мобильный, чтобы он мог связаться с семьёй. Он достал телефон из ящика и увидел сообщение от университета: срок аренды его шкафчика истекает сегодня, и если вещи не забрать, их выбросят. Особенно волновали инструменты для практики в больнице — подарок дяди, заведующего клиникой, на поступление.

— Вот чёрт...

— Что случилось? — насторожился Шоу.

— Мне нужно в университет.

— В университет? Зачем?

— Срок аренды шкафчика заканчивается, а там мои вещи.

— Забей. Попросишь босса купить всё заново.

— Это не просто вещи! Там инструменты для практики, их мне дядя подарил и даже имя выгравировал. Они единственные такие в мире!

Мин Джун уже натягивал куртку, когда почувствовал на себе острый взгляд Шоу.

— Эй! Ты вообще слушал, что я тебе говорил?

— Да это пустяки. Я просто быстро съезжу, заберу вещи и сразу обратно. Что может случиться за это время?

Он размахивал руками, уговаривая, и тут вмешался Синба:

— Я могу поехать с ним.

— Ты — нет, — резко отрезал Шоу.

Он почесал подбородок, ещё раз смерил Мин Джуна взглядом, встал и сказал:

— Ладно. Поеду сам.

— Вы? — удивился Мин Джун.

— Я. Другому это не доверю.

Мин Джун хотел возмутиться, что люди подумают, будто он встречается с женщиной вдвое старше, но, вспомнив, что Шоу — правая рука босса, предпочёл промолчать.

В дороге Мин Джун старался не скучать и украдкой поглядывал на Шоу, который уверенно держал руль одной рукой.

— Только не вздумай влюбляться. У тебя уже есть босс, — хмыкнул тот.

— Даже отвечать на это не буду... Скажите лучше, каким Дайки был в детстве?

— А, значит, хочешь услышать о боссе? За просто так не расскажу.

— Вот ещё! Что вы хотите?

— Десять массажей. Когда босса нет.

— Десять?! Вы в своём уме? За такое можно и за решётку загреметь!

— Ну и не соглашайся. Я не настаиваю.

— Ладно-ладно. Два раза. По стариковской скидке.

— Стариковской? Ты меня, значит, дедом считаешь?

— Просто отвечайте, ладно?

— Ладно. Кстати, а в какой ты университет поступил?

— В Токийский.

— Подожди... В Токийский? Ты что, студент Токийского университета? — Шоу уставился на него так, будто увидел привидение.

— Смотрите на дорогу! Машина! — взвыл Мин Джун, хватаясь за руль.

— Да ну... За всю жизнь меня ничто так не шокировало, как то, что ты — студент.

— Я же говорил, что я технарь!

— А выглядишь, как будто у тебя пара винтиков отсутствует.

— Ещё одно слово — и я обижусь, — пробурчал Мин Джун.

Шоу, так и не оправившись от шока, лишь качал головой и бормотал что-то про «не может быть» и «надувательство», пока Минджун не оборвал его:

— Я сказал, Токийский университет, факультет медсестринского дела. Теперь говорите про Дайки.

— Ладно, ладно. В детстве он был не как Тома. Серьёзный, взрослый не по годам. Полная противоположность тебе.

— Опять сравниваете! А он не хотел уйти от этой жизни с якудзами?

— Он родился в семье якудза. Для него это естественно. Его мать, Камияма Рэйса-сан, сама стала девятым боссом, обойдя всех мужчин. Но потом встретила Такеру-сана, влюбилась в его ум и отвагу и передала ему пост.

Глаза Шоу на секунду затуманились от воспоминаний.

— Когда босс родился, Такеру-сан был для всех примером. И Дайки очень на него похож. Во многом.

— Говорят, у него тоже была татуировка с пантерой... — Мин Джун тут же покраснел, поняв, что чуть не проговорился о собственных ночах с Дайки.

— Можешь не притворяться, я всё знаю, — ухмыльнулся Шок. — У Такеру-сан это было сенсацией. Кто бы ни видел, женщины, мужчины — все сходили с ума. А у Рэйсы-сан, говорят, тоже была пантера, только на пояснице.

— Ничего себе... А как они погибли?

Шоу замолчал на несколько секунд, пока не проехал перекрёсток, и лишь затем, низким голосом, сказал:

— В те времена в Токио бесчинствовала группировка Ибуки. Молодой босс выстрелил в Такеру-сана прямо среди бела дня. Но Рэйса-сан прикрыла его собой. Пуля прошла сердце, а в руке Такеру-сана застрял осколок. Она умерла на месте.

— Это ужасно...

— Всё это давно прошло. Остальное пусть сам босс расскажет. Так, это вот туда поворачивать к главному входу, верно?

— ...Да.

Сколько же угроз нависало над его жизнью всё это время? Стоило Мин Джуну подумать о Дайки, как грудь снова сжало от боли, будто её разрывали на куски. Это был страшный, непостижимый мир — нечто, что он, живший самой обычной жизнью, не мог ни понять, ни даже вообразить. Мысль о том, что и Тома должен будет жить в этой реальности, сводила его с ума от ужаса и боли. Если бы только он мог, он бы вырвал их обоих из этой трясины. Несбыточная мечта, но в тот день Мин Джун тайком спрятал её глубоко в сердце.

У главного входа они предъявили студенческий билет Мин Джуна и подтвердили его статус академического отпуска — только после этого охрана пропустила их на территорию кампуса.

— Ух, чувствуется энергия молодёжи, — хмыкнул Шоу, оглядывая студентов. — Все такие... аппетитные.

Мин Джун посмотрел на него с таким отвращением, словно увидел таракана, и сморщил нос.

— Дядя, вы сумасшедший. Если не хотите загреметь в полицию, никому не говорите, особенно к девушкам даже не подходите. Тут за один только вопрос о имени сразу за домогательство

примут.

— Не переживай, — невозмутимо пожал плечами Шоу. — Меня женщины не интересуют.

Он продолжал ухмыляться, разглядывая проходящих студентов, будто ничего особенного не сказал.

— Что? Женщины вас не... Что? Вы что, гей? — вытаращил глаза Мин Джун.

— А ты только сейчас понял? Я думал, все в курсе. Ты точно студент Токийского, а? — насмешливо скривил губы Шоу.

— А-а... так вот почему вы на меня так странно косились! — Мин Джун возмущённо потер лоб, куда тут же щёлкнул пальцем Шоу.

— Эй! Больно же! Так у вас и правда кто-то есть? — спросил Мин Джун, потирая место удара.

— Ну... скорее партнёр для секса, чем роман, — небрежно отозвался Шоу.

— Что-о? Фу, это мерзко. Кто?

— Юки.

Мин Джун застыл, не веря своим ушам. Юки — самый тихий, вежливый и добродушный из всей команды. Он, к которому даже у Мин Джуна просыпались защитные инстинкты. И этот Юки... со Шоу? У Мин Джуна в голове это никак не укладывалось.

— Чего так удивился? — усмехнулся Шоу.

— Н-ничего... Люди ведь разные... — пробормотал Мин Джун, пытаясь сохранить лицо.

— Ты просто не понимаешь. Для нас куда большим шоком стало то, что ты с боссом, — ухмыльнулся Шоу. — Как ты умудрился заполучить прямого, стопроцентного натурала, одному Богу известно. Но то, что вы теперь каждый день... ну, ты понял... это уж совсем крышеснос.

— Вы ужасны, — пробормотал Мин Джун, заливаясь краской.

— Ладно, хватит. Это нужный корпус? Парковка там, а потом поднимаемся.

— Вы что, со мной и туда? — ахнул Мин Джун.

— А зачем бы я ещё пошёл сюда?

— Вы с ума сошли! Это университет! Тут ничего не случится. И потом... если меня с вами увидят, начнутся мерзкие слухи. Все и так знают, что я гей.

— А тебя из-за этого травили? — вдруг резко спросил Шоу, голос его стал холодным.

— Нет... Не то чтобы... Просто... не хочу новых сплетен. Старых хватает. — Мин Джун опустил голову.

Шоу нахмурился, почесал затылок и, помолчав, буркнул:

— Какая аудитория?

— Пятый этаж.

— Ладно. Я подожду у входа. Быстро забирай вещи и сразу спускайся, ясно?

— Ясно.

Оставив Шоу на первом этаже, Мин Джун поднялся наверх. Несколько однокурсников приветливо кивнули ему, но он, думая о Шоу, что караулит у входа, обменялся лишь короткими приветствиями и поспешил в аудиторию. Там было пусто и тихо.

Мин Джун подошёл к своему шкафчику, набрал код и услышал, как за его спиной открылась и закрылась дверь. Он не придал этому значения — пока не раздался мерзкий голос:

— Случайно узнал от одного парня в баре, что сегодня срок хранения шкафчиков заканчивается, и решил подождать. Честно, не думал, что ты и правда появишься, Джун.

Мин Джун застыл. Лёд сковал всё тело. Медленно обернувшись, он встретил взгляд Тайсея.

— Давно не виделись, Джун. Я так скучал по тебе. А ты, похоже, не очень, да? — он скользнул по Мин Джуну наглым взглядом. — Хм... Смотри-ка, прямо источаешь разврат. Похоже, слухи, что ты теперь орёшь каждую ночь под каким-то крутым мужиком, оказались правдой.

Мин Джун передёрнуло, будто по коже проползли сотни насекомых. Ему хотелось содрать с себя кожу, лишь бы избавиться от ощущения грязи. Дышать стало тяжело.

За два часа езды от Токио, в Ибараки, в городе Цукуба, стояло старое кладбище. Там покоилась Миу — мать Тома. Девушка, рано осиротевшая, была похоронена рядом с бабушкой и дедушкой. Её могилу почти никто не навещал, и от этого она выглядела особенно одиноко.

Тома крепко вцепился в руку Дайки, боясь даже шаг сделать по узким тропкам между надгробий.

— Папа... страшно. Домой хочу. К маме.

— Тома, — Дайки наклонился, чтобы встретиться с его тёмными, испуганными глазами. — Знаешь, где мы?

— Кэнта говорил... это дом для мёртвых людей.

— Верно. А здесь живёт твоя мама. Та, что подарила тебе жизнь.

— Нет, мама дома. — Тома замотал головой.

Дайки мягко сжал его руку.

— У тебя две мамы, Тома. Одна — здесь, та, что родила тебя. А вторая — дома, которая любит тебя и обнимает.

Мальчик замер, потом серьёзно посмотрел на отца и тихо спросил:

— А та мама... умерла?

— Да. Но если ты поговоришь с ней, назовёшь её мамой, она будет рада. Хочешь попробовать?

Тома робко шагнул вперёд к надгробию.

— Тома хорошо... кушает. Учится. Дома мама обнимает и любит. Тома тоже маму любит... мама...

Дайки положил ладонь на маленькую голову сына и поднял взгляд на могилу.

"Вот он, твой сын. Ты, наверное, хотела бы его увидеть. Он такой же любопытный и упорный, как ты, и все вокруг его обожают. Миу... если бы я тогда не потянул тебя в этот мир, не разрушил твою жизнь своей жадностью... ты бы сейчас была чьей-то женой, растила детей и была счастлива. Потеряв тебя, я больше ненавидел себя за это, чем скорбел по тебе... И сейчас я повторяю ту же ошибку."

Мысли Дайки на миг унеслись к Мин Джуну, и суровый взгляд неожиданно смягчился.

"Когда я смотрю на него, я улыбаюсь, сам того не замечая. Что бы ты сказала мне, увидев это? Может, я поэтому и спешил сюда сегодня с утра — чтобы признаться тебе, прежде чем признаться себе."

Тёплый ветер мягко тронул его волосы. Тома, уже не такой испуганный, провёл рукой по холодному камню.

Дайки долго стоял в тишине, глядя на могилу, а потом тихо произнёс:

— Пойдём домой.

— К маме? — поднял на него глаза Тома.

— Да, к маме.

Лицо мальчика озарилось радостью. Он вприпрыжку побежал к машине, за ним — Кэнта. Уже с дорожки Тома обернулся и, размахивая руками, крикнул:

— Мама, Тома ещё приедет! Пока!

Грудь Дайки болезненно сжалась. Он ненавидел себя за то, что когда-то бросил сына на два года, отдав его на попечение Шинпея. Он задержался на секунду, глядя на надгробие.

"Тому я защищу. Даже ценой своей жизни. В следующем году мы вернёмся сюда вместе."

Он медленно закрыл глаза, глубоко вдохнул и направился к сыну, а лёгкий женский смех, будто доносящийся из прошлого, коснулся его слуха на ветру.

— Дайки, ты всё такой же дурак. Знаешь, почему я выбрала такого опасного мужчину, как ты? Потому что хотела, чтобы ты был счастлив. Даже сейчас я желаю только одного — видеть твою улыбку. Но если ты совсем обо мне забудешь — убью. Приходи ко мне хотя бы раз в год. В следующий раз приведи и его с собой. Конечно, я буду красивее. Дайки, я была счастлива быть рядом с тобой.

Кулак Дайки сжался так сильно, что ногти впились в ладонь. Он пообещал Мие, что в следующем году придёт вместе с ним, и поспешил дальше. Ему не терпелось увидеть Мин Джуну.

Дайки, сев в машину, посмотрел на Рена, сидевшего за рулём, и заговорил:

— Отследить местоположение Мин Джуна.

— Мин Джуна-ним? Он, наверное, дома.

— Всё равно проверь. Этот парень и дня спокойно не проведёт.

— Понял.

Рен раскрыл ноутбук, который всегда носил с собой, и вспомнил о трекере, который установил, когда недавно возвращал телефон Мин Джуну. Новая система позволяла отслеживать местоположение с точностью до квадратного метра, и Рен запустил поиск.

— Уйди. Мне с тобой говорить не о чем, — процедил Мин Джун, глядя на ухмылку Тайсея. Ощущение, что он когда-то был с этим человеком близок, вызывало у него отвращение и тошноту.

— А мне есть о чём, — ухмыльнулся Тайсей. — Из-за тебя у меня теперь ребра сломаны — шесть штук! Месяц в больнице, а теперь денег нет.

— Шесть? Разве не два?

— Да, шесть. Настоящие профи были. Сломали ровно настолько, чтобы я мог только дышать. Ты хоть немного переживал? Ведь это всё по твоему приказу!

Шесть?! Значит, по два на каждого? Я с ума сойду... — мысленно выругался Мин Джун и лихорадочно обдумывал, как добраться до Сё (Шоу), который ждал его на первом этаже.

Но силой Мин Джун Тайсею не мог противостоять. И хоть тот теперь выглядел потрёпанным, худым и обессиленным, рост и габариты по-прежнему внушали страх.

— Это всё твоя вина. Ты меня обманул, шантажировал и даже паспорт забрал, — холодно бросил Мин Джун.

— Заткнись! Для тебя это мелочь, у тебя семья богатая. В баре твой одноклассник болтает, что родители у тебя в Корее при деньгах. Я же тебя «обслуживал» каждую ночь, разве сложно было бы перевести какую-то сумму? Подумаешь, пять миллионов йен. Копейки.

— Не смейся. Мои родители всю жизнь своим трудом зарабатывали. С какой стати я должен отдавать их деньги тебе? Убирайся с глаз моих!

Но Тайсей упомянул родителей, и Мин Джун взорвался, закричав, почти срывая голос. В душе он надеялся, что кто-то услышит шум и зайдёт. В следующую секунду лицо пронзила резкая боль. Он отлетел к шкафчику, ударился и упал. В рот потёк вкус крови.

— Заткнись, убудок, — прорычал Тайсей. — Знаешь, чем хорош этот класс? У него есть запасной выход. Тот парень, с которым ты сюда пришёл, выглядит опасным, но и при деньгах. Не переживай, мне всего-то нужно двадцать миллионов йен, чтобы уехать из Японии. А пока... ты побудешь с нами.

«С нами»? Что значит «с нами»? Чёрт... Дайки... — в голове звенела лишь одна мысль: нужно

вырваться, во что бы то ни стало.

Но едва он попытался пошевелиться, Тайсей заломил ему руку за спину. Плечо будто вырвали из сустава, холодный пот выступил на спине. И тут же лезвие холодного металла упёрлось в его спину.

— Идём. Спокойно. Машина ждёт у чёрного хода. Закричишь — убью. Мне всё равно — без денег я всё равно труп, — прошипел Тайсей.

Мин Джун закрыл глаза. В голове мелькнула мысль: Надо было чаще говорить, что люблю его... Прости, Дайки, прости, Тома...

— Что?! — рык Дайки заставил Рена вздрогнуть.

— Его нет дома. Сигнал — в Токийском университете.

Дайки тут же позвонил домой.

— Это я. Где Мин Джун?

— Э-э... с Сё-хёнин они поехали в университет...

Не попрощавшись, Дайки оборвал звонок и тут же набрал номер Сё.

— Он с тобой?

— А, босс! Да, думаю, он сейчас в аудитории. Я на первом этаже, а что?

Рен тихо подсказал:

— Вторая парковка.

— Мин Джун не в аудитории, — глухо произнёс Дайки.

— Что?! Как это?! Где он?

— Вторая парковка.

— Понял!

— Быстро. Максимальная скорость, — приказал Дайки Рену. Сердце сжималось. Он знал: если что-то случится, он себе не простит.

Минджун, только бы ты был цел...

И тут он заметил старый фургон, едва ползущий прочь от корпуса. Инстинкт, выточенный годами, не подвёл. Сё разогнал «Мерседес» и резко затормозил прямо перед фургоном. Шины взвизгнули, воздух прорезал рёв покрышек.

Выскочив из машины, он схватил первый попавшийся камень и ударил по голове растерянного водителя. Но взгляд его был прикован к заднему сиденью: Мин Джун, связанный и с заклеенным ртом, но живой.

Тайсей, поняв, что дело плохо, бросил Мин Джуна и попытался убежать. Сё метнул телефон — тот рухнул, как подкошенный.

Сё распахнул дверь и поднял Мин Джуна на руки. Парень был весь в слезах, с распухшими губами, лицо в синяках. От этой картины внутри Сё всё кипело.

— Дядя... это... правда вы?.. — захлёбываясь слезами, прошептал Мин Джун.

— Да. Всё закончилось. Не плачь, всё, теперь всё хорошо. Прости, что не был рядом, — тихо сказал Сё, прижимая его к себе.

Мин Джун дрожал мелкой дрожью. Он боялся не смерти — а того, что больше не увидит Дайки.

В этот момент к фургону подкатил другой автомобиль. Несколько крепких мужчин быстро погрузили без сознания Тайсея и водителя в машину. Один из них поклонился Сё:

— Босс ждёт вас в условленном месте.

— Понял.

И тут рядом появился стройный мужчина с чистым, почти утончённым лицом, явно не из этого жестокого мира. Он посмотрел на Сё с явным презрением и холодно заметил:

— Вы всё такой же... грубый.

— Что, до сих пор злишься из-за того случая?

— Мне с вами говорить не о чем. Мин Джун-си?

Услышав своё имя, Мин Джун поднял голову. Лицо его было в таком жалком состоянии, что им хотелось поделиться с кем-то, лишь бы не видеть это в одиночестве. Мужчина слегка нахмурил безупречные брови и сделал шаг назад.

— Вы в порядке?

— Да, всё будет нормально. Похоже, его ударили, но нос и глаза опухли скорее от того, что он плакал.

— Я не у вас спрашивал.

Мужчина резко оборвал Сё и, повернувшись к Мин Джуну, представился:

— Рёсукэ Нишихара. Руку жать не будем.

Мин Джун, перемазанный слезами и соплями, по привычке протянул ладонь, но Рёсукэ скривился так, словно перед ним протянули что-то грязное, и снова отступил.

— У вас нет серьёзных травм?

— Пощёчину получил. Дядя, я ужасно выгляжу?

— Честно? Только я один могу тебя сейчас обнять. Ты как бродяга, честное слово.

— Чёртов Таёсей... Ай, кажется, губа изнутри порвалась.

Мин Джун открыл рот, чтобы показать Сё, но Рёсукэ остановил его жестом.

— Подержите так, я сделаю снимок. Отлично. Теперь, пожалуйста, прямо в камеру.

Он снял следы побоев и следов от верёвки, потом нахмурился, будто скорее хотел уйти отсюда.

— Эти подонки, конечно, отбросы общества, но всё же они гражданские. Чтобы прижать их окончательно, нужны доказательства. Фото достаточно. Ладно, я пошёл. Из-за кое-кого мой уикенд теперь забит делами.

Подняв воротник пуховика и не слушая ни «спасибо», ни прощания, Рёсукэ ушёл, подняв вокруг ледяной зимний ветер.

— Дядя, а что с ним? Такое чувство, что он меня терпеть не может.

— Не тебя, а меня. Полгода назад я его... ну, добился своего. Видел, какой он холодный? Прямо как кошка — с ума можно сойти.

— Чт-что?! Дядя, вы просто ужасны. А как же Юки?

— Тише там! Это Юки на меня набросился. Ладно, готовься к выговору. Босс в ярости. Он редко Рёсукэ подключает, а тут... Знай, Рёсукэ — «вампир юриспруденции». Кого зацепит, того до нитки высосет. Даёки решил похоронить похитителей в обществе. Так что, малыш, готовься, тебе достанется.

— Дядя... давайте просто домой. Я хочу к Томе.

— Ты вечно за Тому прячешься. И после этого говоришь, что ты — его мама?

— Замолчите. Папа слишком страшный.

— Ладно, поехали. Встретимся с ним на полпути. А дальше сам объясняйся.

Сё помог Мин Джуну сесть в машину. Парень вдруг понял, что встретиться с Дайки ему хочется не сразу — сперва собраться с мыслями. Шок сегодняшнего дня был слишком велик.

Взгляд Дайки мог резать, как нож. Именно таким он встретил Мин Джуна. Даже не дав ему выйти, распахнул дверь чёрного «Мерседеса», схватил за руку и вытащил наружу. Чёрные глаза потемнели от ярости, скользнули по опухшей щеке.

— Это ерунда, правда. У меня кожа просто сильно отекает... И вообще не больно. Гораздо страшнее твой взгляд сей...—

Не дослушав, Дайки буквально запихнул его обратно в салон. Мин Джун ударился плечом о кожаное сиденье и зашипел от боли, но подняться не успел: Дайки втиснулся следом и прижал его к сиденью.

Между водителем и задним рядом медленно поднялась чёрная перегородка, скрывшая Рена.

— П-почему тут вдруг перегородка... Это нехорошо... Рен...

— Молчи.

Голос Дайки был низким, глухим и полным злости. Мин Джун хотел что-то сказать, но, встретив дрожащий от эмоций взгляд, замер. Он потянулся рукой, но Дайки грубо отмахнулся.

— Я же говорил сидеть дома. Там безопасно.

— Прости... С Университета позвонили, я... я не думал, что...

— Заткнись. Что мне сделать, чтобы ты понял, как жесток этот мир? Может, только если я сотру тебя здесь, чтобы и следа не осталось?

— Дайки, не говори так... Ты меня пугаешь.

— Пугаю? А как думаешь, что я чувствовал? Сегодня, как и три года назад, я снова ощутил этот ужас из-за тебя!

Мин Джун побледнел. Да, сегодня — годовщина смерти матери Томи. Он не подумал, что Дайки рвёт изнутри не только злость, но и страх. Сердце сжалось от вины.

— Дайки... прости... ммф...

Его слова прервали жёсткие губы. Поцелуй был диким, почти болезненным. Язык Дайки жадно ворвался внутрь, а руки грубо раздирали одежду. Мин Джун задрожал от нарастающего жара и... стыда: в салоне сидел Рен.

— Не здесь... давай домой...

— Не могу ждать.

Голос Дайки, охрипший от желания, звучал как заклинание. Мин Джун взмолился, но услышал только холодный шёпот:

— Если ты не слушаешься, объяснять словами бессмысленно.

Большая ладонь сомкнулась на его теле. Мин Джун выгнулся, пытаясь подавить крик.

— Пожалуйста... здесь же Рен...

— Я поднял перегородку ради тебя. Или хочешь, чтобы он видел?

— Перегородку?... А... она правда... не пропускает звук?

— Закрой рот. Пока я не передумал и не опустил все окна.

Мин Джун захлопнул рот и зажмурился. Его трясло от смешанных чувств — стыда, страха и болезненного удовольствия, которое разрасталось внутри от каждого прикосновения.

— Слышишь? — прошептал Дайки у самого уха. — Этот развратный звук. Твои стоны. Моё имя в твоём дыхании. Если я сейчас не закончу, я просто возьму тебя, здесь и сейчас.

Хотя заднее сиденье было довольно просторным, для двоих оно всё равно оставалось тесным и неудобным. Каждый раз, когда Мин Джун, подавляя стон, тряс головой, его затылок глухо ударялся о дверцу машины. Дайки схватил Мин Джун за талию и потянул к себе. Сквозь отодвинутую штанину делового костюма Мин Джун почувствовал жаркий член Дайки на обнажённом бедре. Он больше не мог сдерживать вырывающиеся стоны, обвил руками шею

Дайки и сдавленно застонал:

— А-а... Дайки... Сейчас... я... Дайки...

Произнеся его имя, Мин Джун конвульсивно кончил в руку Дайки. Тот, ни секунды не колеблясь, начал размазывать тёплую сперму по плотно сжатому входу Мин Джуна. Охваченный жаждой обладать им, Дайки уже не мог думать ни о чём другом.

Тело Мин Джуна, ещё не оправившееся от оргазма, отозвалось острой чувствительностью. Когда смоченные пальцы Дайки скользнули внутрь и начали массировать стенки, сознание Мин Джуна словно побелело. Забыв, что они всё ещё в едущей машине, он протянул руку к брюкам Дайки.

Обычно во время близости Дайки был особенно дразнящим и никогда не уступал Мин Джуну инициативу. Любая попытка прикоснуться к его члену без разрешения заканчивалась грубой реакцией, и Мин Джун всегда отстранялся. Но сегодня всё было иначе. Почувствовав руку Мин Джуна на напряжённом бугре под тканью, Дайки только сильнее прижался к его ладони. От этого жара член Мин Джуна, недавно успокоившийся после оргазма, снова напрягся.

— Дайки... — хрипло прошептал он. — Быстрее... войди в меня...

Дайки по-прежнему молчал. Он не дразнил Мин Джуна за его настойчивость, не называя его распутным, а даже сам расстегнул свой ремень по просьбе Мин Джуна. Звук металлического ремня, расстёгивающегося, слишком ярко перекликался с их тяжёлым дыханием, и Мин Джун закрыл глаза.

— Открой глаза. Не знаю, о чём ты думаешь, но когда я обнимаю тебя, думай только обо мне. Иначе...

— Иначе...? Ты опять хочешь сказать что-то страшное?

Мин Джун, открыв глаза, встретился с влажным взглядом Дайки.

— «Я могу сойти с ума!

Неожиданная фраза заставила сердце Мин Джуна упасть. В этот момент он полностью почувствовал, как сильно Дайки заботится о нём. Мин Джун протянул руку и коснулся лица Дайки.

— Дайки, я люблю тебя. Жалею, что не сказал раньше.

— Тихо. Ничего не говори. Я хочу чувствовать только тебя.

Дайки поднял ногу Мин Джуна на своё плечо. Он нащупал рукой вход и приставил член, а затем одним движением вошёл внутрь, когда внутренние стенки сжались вокруг него.

— Ах...

Под сдержанным стоном Дайки, Мин Джун почувствовал, как его тело наполняется ощущением полного удовольствия. Сильные объятия сжимали его грудь, и дышать было трудно, но он принимал всё, что делал Дайки.

В замкнутом маленьком пространстве Дайки обнимал Мин Джуна за талию и двигался так, чтобы проникнуть глубже. Мин Джун не оставался бездействующим, подстраиваясь под

движения Дайки. Жгучее ощущение, словно их прижарили огнём, сочеталось с дрожью сердца, и Мин Джун не мог удержаться от напряжения в ягодицах.

Вдруг Дайки остановился, быстро вынул член из Мин Джунa и обернул салфеткой. Он нахмурил лоб, как обычно после эякуляции, и посмотрел на Мин Джунa, пока кончик его пениса выделял чистую сперму.

— Сейчас я могу отпустить тебя. Возможность лишь одна. Но если останешься со мной, я никогда тебя не отпущу. Моя любовь может быть жестокой. Но тебе это нравится?

Мин Джун обнял Дайки за шею и заплакал при его мучительной исповеди.

— Ты дурак. Не недооценивай мою любовь. Она сладкая, и может заставить тебя улыбнуться, даже если ты жесток. Я люблю тебя, Дайки.

Дайки, услышав сладкие шёпоты у своего уха, схватил лицо Мин Джунa и стал целовать его страстно. Когда он слегка отпустил губы, Мин Джун задышался и сказал:

— Дайки, скажи, что любишь меня.

— Мин Джун, мужчине достаточно показать свои чувства. Не зацкливайся на словах.

Мин Джун оттолкнул его, встал и надел джинсы.

— А, правда? Ты мужчина, а я с яйцами, больше не буду говорить.

— Делай, как хочешь. Но знаешь, за твою безответственность придётся ответить.

— Я же извинился!

Мин Джун округлил глаза и посмотрел на него с недоумением.

— Извинения недостаточно. Прими наказание.

— Наказание?

— За нарушение обещания — говори мне «я люблю тебя» раз в день. Это не так уж сложно.

Дайки поправил помятый пиджак и постучал по шумоизоляционному окну. Как и при входе, окно бесшумно исчезло.

Мин Джун, потеряв возможность что-либо сказать, сжал кулаки.

«Он говорил, что слова о любви лишние, а теперь хочет, чтобы я говорил их каждый день? Смешно. Я тоже мужчина. Пока ты не скажешь «я люблю тебя», я тоже не скажу. Понял, ты хитрец.»

Хотя он не мог говорить, Мин Джун ударил Дайки по бедру, выражая свою решимость глазами.

После этого Мин Джун согласился говорить Дайки «я люблю тебя» раз в день.

— Ах да, вещь, которую ты забрал из школы для практики... Я её сохранил. Если хорошо выполните наказание, решу, возвращать её или нет.

Голос Тайсея звучал не как человеческий, а как животный стон. Его лицо опухло, глаза и нос почти соприкасались, а залитое слезами и кровью лицо полностью потеряло прежний вид.

— Эй, протрите лицо полотенцем. Они скоро придут.

Хакуто, сидя на высоком стуле, опираясь на бейсбольную биту, глубоко вдохнул дым и выплюнул его на пол, затем раздавил ногой. Рядом стоящий мужчина обрызгал Хакуто спреем.

— Равномерно. Ах, моя участь... в таком возрасте бросать курить.

Мин Джун, страдающий аллергией на дым, настоял на запрете курения. Даже Дайки сдался перед его упрёками о вреде для здоровья.

— Голову тоже.

— Брат, вы правда бросаете курить?

— Не пытайся узнать. Иначе и ты получишь приказ.

— Даже думать страшно.

— Тогда молчи. Всё вытерли?

— Да, брат.

— Проверим лицо.

Хакуто подошёл к Тайсею, связанному лицом вниз. Тайсей дрожал.

— То, что ты сделал, не должно было случиться с самого начала. Но ты сделал это.

— Вы... вы мужчина МинДжуна?» — тихо спросил Тайсей.

Хакуто, улыбаясь, ответил:

— Интересно? Скоро увидишь.

В этот момент двери склада громко распахнулись. Тайсей с трудом поднял голову и посмотрел на источник шума. Он начал пятиться назад, видя, что за мужчиной спереди идут другие. Но взгляд его был прикован к лидеру — настоящему боссу якудза, чья аура была опасной.

Дайки грациозно подошёл к Тайсею. Взрыв гнева вспыхнул мгновенно, когда он вспомнил, что этот человек когда-то держал Мин Джуна в своих объятиях. Тайсей, с рваными чертами лица, пытался отступить.

— Ты Тайсей? Хотел узнать, кто парень Мин Джуна? Это я.

— П-пожалуйста... спасите меня!

При этих словах Дайки ударил Тайсея кулаком по лицу, снова разрывая его губы кровью.

— Не упоминай Джуна. Я выведу тебя на суд закона за шантаж, вымогательство, избиение, похищение и покушение на убийство. Некоторое время ты не сможешь наслаждаться жизнью.

Считай это последствиями игнорирования моего предупреждения.

Дайки спокойно сказал это Тайсею, а затем кивнул мужчинам позади себя. Хакуто подбежал, усадил Тайсея на пол и развязал его руки, закрепив их на земле. Дайки опустился к лежащему Тайсею, пристально глядя на дрожащего от страха человека.

— Какая рука? Та, что ударила Мин Джуна?

Тайсей покачал головой, инстинктивно показывая свою правую руку глазами, полными страха.

— Ага, вот она. Это была самооборона, на которую наш Мин Джун, боясь, не решился.

Дайки вынул нож и резко опустил его на тыльную сторону руки Тайсея, затем резко провернул нож.

— Аааааа...

Жуткий крик заставил весь склад содрогнуться. Дайки встал, а Хакуто принял нож.

— Следи за ним, пока раны не заживут.

— Да.

Когда они вышли на улицу, свежий ветер, казалось, остудил пыл Дайки. Он взглянул на часы — без пяти семь. К сожалению, Мин Джун и Тома уже закончили ужин. Если бы не он, Дайки тоже смог бы поужинать вместе с ними. При этой мысли ему снова захотелось вернуться и лишить воздуха нарушителей.

Мин Джун рассказывал Томе о Корее. После того как он узнал, что Дайки — третий поколение корейских эмигрантов в Японии, стал уделять этому больше внимания. Мин Джун показывал Томе корейскую еду и делился историями. Кэнта наблюдал за ними с выражением лица «так и должно быть».

Вдруг Мин Джун захотел рассказать Томе об истории Кореи, и Кэнта внутренне обрадовался. Но в первый день Мин Джун показывал Томе фотографии корейских кукол и игрушек. В результате Тома часами смотрел бесконечные видео серии про гусениц, что вызвало недовольство Дайки, потому что Тома не спал и просил показывать видео.

Сейчас Мин Джун рассказывал о корейской уличной еде, показывая Томе фотографии, которые он сделал. Многие из них были опасными, и Кэнта нервничал.

— Мама, что это?

— Это хотток. Делается из теста, которое раскатывают и делают плоским. Внутри много мёда, так что если неправильно есть — можно обжечься, но это очень вкусно. В следующий раз я приготовлю для тебя.

— Правда? Можешь?

— Научусь и обязательно сделаю для тебя, Тома. Правда, Кэнта?

Кэнта молчал. Чистое и невинное лицо Томы словно ливнем падало на него, но так как Мин

Джун пообещал приготовить, Кэнта оставил это на заботу Мамы. Он не имел намерения учить Тому готовить и не поддался провокации Мин Джуна, встал с места:

— Принести чай?

— Нет, а хотток?

— Тогда принесу чай.

Кэнта дал уклончивый ответ и вышел из комнаты.

— Кэнта? Ты правда так?

— Правда.

— Почему?

— Не знаю. Тома не должен знать.

Тома наклонил голову, закрутив губы. Мин Джун, наблюдая за этим милым лицом, обнял Тому и покатался с ним по ковру, щекоча.

— Милый, милый. На кого ты похож?

— Ай, щекотно! Томе щекотно.

— Тогда скажи, на кого ты похож.

— Мама. Тома похож на маму.

— Молодец, Тома. А потом так же улыбайся Кэнте, понял?

— Да, понял. Тома сможет.

Шоу, входя на кухню, поднял взгляд от журнала.

— Что нужно?

— Ничего, хочу немного отдохнуть.

— Что случилось? Ты сказал «отдохнуть»?

Кэнта сел напротив Шоу, закрыв глаза. Тёмные круги под глазами тянулись ко рту. Шоу, догадываясь, почему, всё же сказал:

— Он же милый.

— Я знаю. Поэтому его невозможно не любить.

— Тогда в чём проблема? Тебя не заставляют бросать курить, как нас. Хакуто даже не может пить. После того случая с Мин Джуном, босс ввёл запрет на алкоголь.

Кэнта, который изначально не курил и не любил алкоголь, это не сильно касалось. Но...

— Смотри, как он ладит с Томой, это приятно видеть.

— Всё хорошо, но я бы хотел, чтобы его учили не только еде, но и истории Кореи. Я был рад, когда он сказал о намерении преподавать историю, но волновался, что знания поверхностные. А он всё время рассказывает только про уличную еду, и Тома каждый день просит показать это.

— А, вот почему прошлый раз почти сжёг сахар в ковшике.

— Да, Хён.

— Но он же студент Токийского университета. Давай верить, что голова у него на месте, не так ли?

— Возможно.

Взгляд Кэнты был полон настойчивости. Шоу больше ничего не сказал и просто похлопал его по опущенным плечам.

Дайки достал из внутреннего кармана пиджака зазвонивший телефон. Это был Тома. В последнее время Тома, похоже, увлёкся видеозвонками и постоянно звонил в любое свободное время. Конечно, Мин Джун почти всегда подталкивал его к этому.

Дайки нажал кнопку соединения. На экране появились два лица, которые невольно вызывали улыбку.

— Папа, купи, пожалуйста, хотток. Хочу съесть хотток.

— Хотток?

— Дайки, я после ужина показывал Томе фотографии уличной культуры Кореи. Там была фотография с хоттоком, и Тома захотел его попробовать. Вы же знаете, что если Тома что-то начинает, он доводит до конца. На кого он так похож? Так вот, когда вы придёте... Вы сейчас придёте? Ицуки сказал, что все дела закончены. Можете сходить в магазин и купить форму для хоттока и ингредиенты? Пожалуйста.

— Сейчас ты говоришь, что мне нужно сходить в магазин?

— Нельзя?

— Ага, папа.

— Ах, ну ладно, просто купите. Я Дайки тоже сделаю. Ладно?

— Хорошо. А это завтра попросите Кэнту.

— Дайки.

— Папа.

— Давай, хватит звонить.

— Подождите. Тома, готов?

— Да, готов.

— Тогда на счёт три: раз, два, три. Люблю тебя.

— Люблю.

Они обеими руками сделали слегка смятое сердечко и максимально надули губы, как рыбы, отправляя поцелуй Дайки. В тот момент Дайки резко выключил телефон.

Это была обычная жизнь семьи якудза, транслируемая в прямом эфире видеозвонка. Мужчины позади него, большие и крепкие, не знали, что делать, и лишь покашливали, глядя в тёмное вечернее небо.

— Рен.

— Да, босс?

— Давай в ближайший... магазин.

<http://bllate.org/book/12398/1105537>